

Шапошникова Ирина Владимировна

Главный научный сотрудник ИФЛ СО РАН

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Доктор филологических наук, профессор, профессор

гуманитарного института НГУ

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

i.shaposhnickowa@yandex.ru

«Психология – не наука о человеческой душе и даже не наука о человеке. Это наука о человеке в мире, о многообразии его связей и отношений с этим миром, проявляющихся – да и формирующихся – в его активной, творческой деятельности. Наука о том, как исторически развивался мир человека и вместе с ним сам человек. Как ребенок, входя в мир, как бы опрокидывает его в себя и становится человеком. Как, повзрослев, он отдаёт себя другим людям и становится строителем человеческого мира. Пусть в этом колоссальном строении им лично положен только один небольшой камень – это уже оправдывает его существование на Земле» [Леонтьев 1984: 125].

Статья посвящена содержанию и значимости теории (речевой) деятельности [далее: Т(Р)Д] как научному и культурно-историческому достоянию отечественной мысли. Рассматриваются фундаментальные положения этого научного направления, сохранившие свою актуальность и прикладную значимость в качестве основ теории человекообразования. Т(Р)Д имеет ряд тематических разделов, где активировались новые междисциплинарные дискуссии в зарубежной и отечественной науке в контексте новых вызовов настоящего времени. Практика показывает, что понятийно-категориальный аппарат Т(Р)Д успешно используется как система операторов при постановке и поиске решения новых проблем. Актуальность данного направления в науке связывается автором статьи с характером задач, которые решали его основатели, с эмпирическим поясом Т(Р)Д. Автор рассматривает базовые положения этой теории о движении значений в процессе смыслообразования и описывает экспертное обучающее приложение к СИБАС – Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток), которое предназначено для обработки ассоциативно-вербального материала при исследовании движения значений. Приложение дает пользователю возможность в полуавтоматическом режиме проводить статистическую обработку и анализ смысловых акцентуаций ассоциативных полей (АП) с выявлением психоглосс разных видов. Выявление и описание психоглосс интенсивности и экстенсивности в качестве единиц анализа языкового сознания позволяет судить о доминантных социо-коммуникативных установках на использование вербальных единиц. Автор предполагает, что изменение этих установок в актуальной диахронии (в пределах трех-четырех поколений) может приводить к вариативности языковых единиц и языковым изменениям. Исследование движения лингвистических значений в аспекте актуальной диахронии с помощью лексико-грамматических психоглосс может осуществляться более гибко и эффективно с использованием компьютерных технологий обработки данных в экспертном приложении к СИБАС с опорой на лингвистическую разметку ассоциативно-вербального материала.

Ключевые слова: теория (речевой) деятельности; психоглоссы; единицы анализа языкового сознания; движение значений в Т(Р)Д; оптимизация ассоциативно-вербальных ресурсов; экспертное обучающее приложение; компьютерная обработка ассоциативных полей; социо-коммуникативные установки русской языковой личности

Введение: к постановке проблем в изучении субъективного фактора

В своей книге «Consciousness and Computational Mind» Рэй Джекендофф рассуждает о теории вычисляющего разума, которая усматривает аналогию мыслительной способности человека с компьютером, устройством для вычисления и обработки информации. Автор упоминает и более ранние аналогии, где мозг в разное время уподоблялся то гидравлическому механизму, то паровому двигателю, то телефонному коммутатору (станции) [Jackendoff 1989: 15]. Наконец, появилась компьютерная метафора. В ней сознание (разум) выступает по отношению к мозгу как программный контент к железной оболочке (то есть аппаратуре как таковой, набору системно связанных друг с другом физических объектов) [Jackendoff 1989: 16]. Рассуждения такого рода как в приведенном примере свидетельствуют о том, что процесс смыслообразования (формирования модели мира, куда вживлен человек, и где он осуществляет свою деятельность) подчиняется определенным закономерностям и сильно зависит от предметно-содержательной стороны доминирующих деятельностей, от параметров объективной реальности, от перцептивных эталонов, порожденных природной и антропогенной средой. Развитие исследовательских парадигм, в терминах и представлениях которых описывается мир в научной сфере, включая жизнедеятельность самого человека с его сознанием, не является исключением.

Компьютерная аналогия в определенном смысле разводит сознание и мозг по разным нишам. Между тем многие современные исследователи, как, например, К.В.Анохин, считают, что новый век стал веком сближения, нового синтеза наук о мозге и о разуме, их превращения в единую науку о мозге и разуме, призванную дать объективные основания для всей интеллектуальной деятельности человека, включая язык и культуру [Анохин <http>]. Грань между мозгом и разумом, телесной субстанцией и душой стирается, по крайней мере, в интерпретации явлений в рамках такого подхода. Подобно тому, как в разные эпохи менялись воззрения на мозг и разум, по-разному трактуется и язык (языковая способность человека) в истории лингвистической науки. Одним из проявлений сближения наук о мозге и разуме в лингвистическом плане является *сетевая модель языка* (язык в человеке), которая соотносима с гиперсетью нейронных связей, что также отражает стремление сблизить материальный субстрат с воплощенной в его ткани смысловой реальностью сознания.

Опыт нескольких десятилетий господства компьютерных технологий, дошедших до создания мозго-компьютерных интерфейсов, уже заставляет ученых и педагогов задуматься о возможных последствиях постановки нашего сознания (и его конкретных носителей) в позицию *формируемого* «контента» в *виртуальном* пространстве. Новые формы цивилизованного варварства «человека досуга» (термин А.С.Панарина [2014: 765]), который располагает совершенствующимся с компьютерной скоростью арсеналом технических средств уничтожения себе подобных, заново ставит перед нами вопрос о природе человека, о жизнеспособности, о *человекообразовании*. Это вопрос о субъективном факторе, получивший сегодня новые ракурсы рассмотрения и, в определенной степени, новые технологические возможности для проникновения в механизмы его воплощенности.

Фундаментальные положения и эмпирический пояс Т(Р)Д в свете новых дискуссий

Многие из тех вопросов, которые с 80-х годов XX века подпали под рассмотрение в когнитивной лингвистике, а ещё ранее – когнитивной психологии, изучались и описывались в отечественной психологии с 20-х гг. прошлого века на основе фундаментальной разработки теории деятельности (ТД). Поставленная перед советскими исследователями задача создать материалистическую (объективную) теорию психики была успешно решена. Психологическая теория деятельности, создание которой возводят к сотворчеству, сотрудничеству и содружеству классиков нашей науки Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и др. отечественных ученых, стала методологической основой для теории речевой деятельности.

Будучи материалистической по своей сути, ТД дает представление о границах понятия «субъективный фактор», определяя его как *психические явления и процессы*. Психические процессы, в свою очередь, рассматриваются как отражение независимо существующей действительности (реальности), отражение того, что существует независимо от самого факта отражения [Леонтьев 2005: 8]. Такая постановка вопроса всегда была очень важна, так как она не только задала границы исходных понятий-операторов, но и показала *принципиальную познаваемость объекта через поиск путей формирования субъективности*. Важно, что фундаментальные положения Т(Р)Д позволяют исследователю изначально разделить психический процесс (мышление и сознание), то есть работу разума, и содержание того, что является продуктом его функционирования (применения) у субъекта, то есть «ставшую» смысловую, относительно устойчивую когнитивную структуру (собственно, знание). Таким образом, сознание не сводится к когнитивным структурам, хотя при этом постулируется и обосновывается определенная производность образа (какого-либо действия), то есть свернутость его структуры в соответствующем ему образе сознания и в овнешняющем его носителе значения – языковом знаке. Таким образом, когнитивные, а вслед за ними и вербальные структуры как таковые (продукты процесса смыслообразования и его овнешнения) в значительной степени зависят от предметно-содержательного наполнения жизнедеятельности человека, но само мышление (сознание) никак не сводимо к содержанию этих структур.

Следующее не менее фундаментальное для гуманитарных наук положение заключается в том, что *субъективный образ мира* у живого существа есть опосредствующая его ориентировку в предметном мире и обретенная им в опыте данность [Леонтьев 2005: 8-11]. Это решение вопроса о *функции образа мира* (у человека и у животных). Психические процессы современного человека, и в частности сознание, есть не только продукт его непосредственной биологической вживленности в биосферу, но и, прежде всего, как подчеркивал А.Н.Леонтьев, «продукт развития и порождения *человеческой жизни в человеческом обществе*» [Леонтьев 2005: 11]. Речевые же процессы представляют собой только часть психических процессов человека. Ср. с современными постулатами зарубежных и отечественных когнитивистов о характере соотношения когнитивного и языкового начал, о единой основе для когнитивных и языковых процессов. Эти и другие фундаментальные положения, известные и развиваемые в трудах основателей Т(Р)Д, переоткрываются для новых дискуссий сегодня в новом терминологическом обрамлении, в контексте новых задач и на новом эмпирическом материале.

Это можно наблюдать, например, в фактологической части некоторых, свидетельствующих, как нам думается, о попытках «нового синтеза науки о мозге и науки о разуме», дискуссий о так называемой *телесной воплощенности*. В этих дискуссиях проясняются и уточняются при обобщении эмпирических данных, полученных разными методами с преобладанием экспериментальных, такие понятия, как воплощенная когниция (*embodied cognition*), воплощенное общение/взаимодействие (*embodied interaction*), воплощенная имитация (*embodied simulation*), воплощенная интенциональность (*embodied intentionality*), воплощенность (*embodiment*) как феномен. ([Foundations of Embodied Cognition 2016; Gallese, Caruana 2016; Gallese 2013; Bonini, Ferrari, Fogassi 2013; Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? 2013; Gallese, Sinigaglia 2012; Gallese, Sinigaglia 2011a, b; Gallese 2009; Goldman, de Vignemont 2009; Mirror neurons and the evolution of brain and language 2002; Thill, Padó, Ziemke 2014] и мн. др. См. также работы нейролога [Damasio 1989; 1997], где телесный материализм проявлен в ключевом для представленной концепции термине *the minded brain* [Damasio 1997]). Одной из центральных гипотез при построении моделей воплощенной когниции и языка служит широко обсуждаемая гипотеза о зеркальных нейронах. Открытие «зеркальных нейронов», которое связывают с именами Дж.Риццолатти, Л.Фадига, В.Галиса, Л.Фогасси, М.Арбиба, наряду с другими подходами, оживило и наполнило новым содержанием дискуссии о (телесной) воплощенности, поскольку оно дает новые основания для поиска *нейрофункционального субстрата* речевых, а также когнитивных и коммуникативных способностей человека, в конечном итоге, и *субстрата идентичности*.

В ходе этих дискуссий были акцентированы и подкреплены экспериментальными данными положения об адаптации нейронных механизмов (в том числе и «зеркальных систем»), предназначенных изначально для сенсорно-моторных функций, к созданию нейрофункциональной «архитектуры» мыслительных и языковых процессов при сохранении за этими нейронными механизмами их прежних функций ([Gallese 2008; Риццолатти, Синигалья 2012; Arbib 2017] и др.). В контексте восприятия речи и происхождения языковой способности человека особенно информативны, как нам думается, работы М.А.Арбиба [Arbib 1982 a,b; 2005; 2006; 2012; 2017]. В них, как и в трудах российских психо- и нейролингвистов подчеркивается, что значение и смысл действий человека формируются в его включенности в бытие, в процессе его личного опыта взаимодействия с окружающей средой.

Независимо от судьбы новых гипотез, фактологическая часть дискуссий последних десятилетий, как нам представляется, дает дополнительное, в том числе нейролингвистическое, подкрепление высказанным ранее Московской психологической и психолингвистической школой идеям, легшим в основу системы лингвистических знаний о речевой деятельности, о структуре сознания, его другоцентричности и функционировании в процессе овладения родным и иностранными языками. Примечательно, что в поле зрения зарубежных исследователей попадает и нейрофункциональная архитектура *двусторонней коммуникации*, которая фиксирует внимание на нейронных механизмах и их процессуальной динамике в условиях влияния действий двух субъектов друг на друга [Arbib 2017:146]. Особого внимания заслуживает режим очередности субъектов в компьютерных моделях воплощенного взаимодействия, как инструмент

появления согласованности групповых стратегий [там же]¹. Следует заметить, что в этих работах упомянуты только некоторые из факторов, которые, как мы предполагаем, влияют на формирование социо-коммуникативных установок у взаимодействующих субъектов вербальной коммуникации и могут проявить себя во флуктуациях на модели ассоциативно-вербальной сети (АВС) в актуальной диахронии.

ТД очень оптимистична по своей сути, так как показывает объективные пути и работающие методы исследования и объяснения субъективного фактора, психики человека в многообразии её проявлений. Основу для оптимистичности такого рода заложил ещё Л.С.Выготский, который видел человека не как пассивно адаптирующегося к среде, подобно большинству животных, а в качестве активно овладевающего действительностью через общественную практику. ТД как методологическая и фундаментальная основа для ТРД – это теория об обращении внешнего, его преобразовании во внутреннее состояние (интериоризации), с последующим творческим процессом овнешнения этого состояния с помощью языка. В международных дискуссиях о роли социо-коммуникативных процессов и совместной деятельности в когнитивном развитии человека как вида исследователи снова обращаются к его трудам и оперируют его положениями (например: [Moll, Tomasello 2006; Томаселло 2011] и др.).

Человеческое общество сопровождает разнообразные виды своей предметно-содержательной (трудовой в широком смысле) деятельности речевой деятельностью. Здесь формируется социо-коммуникативная среда, то есть некая гиперсеть активных коммуникативных процессов вокруг актуальных предметно-содержательных деятельностей в конкретном внутриэтническом диалоге, происходит смыслообразование, формируется содержание идентификационных процессов в изменяющейся реальности. Таким образом, идентификация представляет собой процесс рождения образа мира в опыте новой реальности (это и есть ориентировка в ней). При этом использование тел языковых знаков ребенком в онтогенезе (и человеком в филогенезе) рассматривается как новый способ оперирования объектами внешнего мира. Емкость полученных человеком в жизненном опыте смысловых структур, стоящих за словом в нашем сознании, не является каким-то абсолютно новым знанием в науке. Это явление открыто давно и в разные эпохи описывалось в разных терминах и аспектах. Для развития такого подхода в СССР, где отечественные разработки давали внятное представление о формировании и взаимодействии сигнальных систем у человека, были все необходимые предпосылки. Вопрос о природе языкового знака в отечественной науке благодаря деятельности отечественных психолингвистов всегда решался на основе достижений физиологии и позднее – нейрофизиологии с осознанием роли психического фактора.

Будучи последовательно использована в системе образования, в частности, в практике преподавания как родного так и иностранных языков, Т(Р)Д дает стройную систему, в которой есть разделы и эмпирические данные по филогенезу и по онтогенезу, по формированию образа мира, природе языковой деятельности и её взаимоотношениях с когнитивной деятельностью как таковой, а также многие другие разделы. Это *глобальная теория человекообразования* во всех его основных аспектах.

¹ Более подробно об упомянутых дискуссиях в связи с историей развития отечественных подходов см. Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК (в печати), а также: Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социо-коммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. №3 (в печати).

Никакая научная теория не может уподобляться «Символу веры» и требовать от своих адептов безусловного следования её постулатам во все времена. Мир изменился. Перед учеными стоят новые задачи. Сила Т(Р)Д, позволяющая этому направлению отечественной науки сохранять актуальность, заключается в том, что она создаёт общую теоретическую платформу, базисный фактологический арсенал, исходные знания, которые позволяют нам по-новому ставить проблемы. Она дает современному исследователю *базовый понятийно-категориальный аппарат*, отталкиваясь от которого и используя который *в качестве системы операторов*, он может осмысливать новые фактологические данные, добывать и интерпретировать *новые знания*. Таким образом, Т(Р)Д *сохранила свое культурно-историческое значение как научное достояние в современных условиях*.

А современные условия таковы, что человек, овладевающий плодами информационно-технологической революции, может оперировать несопоставимо большими блоками информации, чем в период становления ТД. Открытия в области археологии и генетики позволяют проникнуть в тайны приматологии, генома человека и шимпанзе, выносить новые, порой очень далекие от первоначальных, суждения о времени и характере возникновения языка у эволюционных предшественников современного человека (подробнее об этих и других междисциплинарных аспектах инноваций и их возможном влиянии на лингвистику см. [Черниговская 2013]). Новые гипотезы и фактические данные накоплены практически во всех разделах, которые мы можем отнести к тематическим блокам Т(Р)Д. При этом общий теоретический каркас и его основное содержательное наполнение остаются актуальными, как нам представляется, в своих базовых положениях.

Органичная общепсихологическая концепция для ТД, хорошо разработанная доказательная и методическая база подкреплялись мощным эмпирическим поясом. Накапливалась и использовалась эмпирическая информация в жестких условиях, требовавших решения конкретных и очень сложных задач. Фундаментальность работающих по сей день основных положений Т(Р)Д идет, в значительной степени, от дерзновенности целей и задач, которые ставили перед собой её основатели, от сложности того материала, с которым приходилось работать этим ученым. Сложность определялась необходимостью найти решение таких проблем, которые требуют знаний реальных закономерностей, аналогичных, например, базовым физическим законам (не одолеешь силу тяжести – не полетишь). В военное и послевоенное время такие задачи могли остро стоять на повестке дня: только открытие закономерностей психических процессов, определяющих связь человеческого организма с реальностью, может, например, вернуть минеру, потерявшему руки и зрение, чувство связи с реальным миром, а значит, сохранить ему жизнь. Открытия совершались в практике поиска таких решений и поверялись ею. А.Р.Лурия и А.Н.Леонтьев сыграли особую роль в решении таких задач и изучении последствий военных травм, дававших большой и трудный (исходный в контексте нынешних возможностей) эмпирический материал для осмысления. Все это сделало Т(Р)Д устойчивой и востребованной по сей день в своих базовых положениях, на основе которых можно развивать новые отрасли и которые можно корректировать, осмысляя новые факты и интерпретации. Опровергнуть интегративную теорию человекообразования трудно. Для этого нужно было бы не только собрать внушительный эмпирический материал, доказательно интерпретировать его как опровергающий отдельные положения Т(Р)Д по разным её разделам, но и создать *не менее стройную и*

системную теорию, которая, будучи использована, например, в системе образования, могла бы *лучше, более достоверно объяснить мир с учетом его изменчивости, сориентировать в нем и помочь молодому человеку лучше воплотиться в этом изменяющемся мире*. Рождению теории человекообразования способствовала вера молодой советской цивилизации в человека, в его способность к социальным свершениям и обретению через них светлого будущего, в котором хочется жить. Конечно, насыщенная духом минимизации социальной ответственности, разочарования в человеке и социальной справедливости современность бросает ТД вызов мотивационного плана, что, впрочем, никак не отменяет достижений этого научного направления.

«Движение значений»: постановка проблемы в Т(Р)Д

Рассмотрим одну из ключевых для лингвистики проблем, попавшую в рассмотрение Т(Р)Д, – проблему соотношения значения и смысла, «движения значений» (в постановке А.Н.Леонтьева). Фундаментальные аспекты «движения значений»: *воплощенность* значений в чувственной ткани и личностных смыслах; психофизиологичность и актуальность смысла; абстрактность (не психофизиологичность, наиндивидуальность) значений, отражающих уже ушедший предметно-содержательный мир культурных феноменов [Леонтьев 2005: 100-103].

Положения о «движении» значений связаны с материалистической основой Т(Р)Д. Действия со словами уподобляются в ней действиям с другими орудиями. По всей видимости, *значения в этом плане интериоризируются, как и тела языковых знаков*. Поэтому значения представляют собой *операторы* мыслительных операций, форму существования понятия для сознания. Эти *радикальные* положения Л.С.Выготского, по мнению А.Н.Леонтьева, положили начало научному изучению сознания, они были развиты позднее в трудах его последователей. Примечательно в этой связи высказывание А.Н.Леонтьева «Язык не демиург значений», поскольку в значениях преобразована и свернута в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрываемых совокупной общественной практикой [2005: 100]. А.Н.Леонтьев выделяет движение значений как *лингвистических объектов*, то есть допускает их объективное движение в системе языка. Он также пишет о значениях в *психологии*, об их движении *в процессах деятельности и познания конкретных индивидов*. Это ведет к возвращению абстракций значения к той реальной действительности (через чувственную ткань, через чувственно-предметную соотнесенность), от которой в свое время значение было отвлечено, отторгнуто и начало свое самостоятельное движение в истории языка, общества, культуры, науки. Если *внешняя чувственность в сознании субъекта связывает значения с объективной реальностью, то личностный смысл – с реальностью жизни субъекта в этом мире, её мотивами* [Леонтьев 2005: 100-104].

Остановимся на теоретическом основании исследования социо-коммуникативных установок, которое дают нам вышеизложенные фундаментальные положения о движении значений в Т(Р)Д. Анализ социо-коммуникативных установок может иметь прикладную значимость. Как, например, оценить последствия рыночных реформ с точки зрения актуализованной ими смысловой направленности установочных процессов, какие явления можно спрогнозировать на этой основе? В ходе наших адаптаций к жизни в новой реальности сложились определенные ориентационные установки, проявляющие себя в социо-коммуникативной среде. Они не явлены исследователю непосредственно в значениях слов, которые, тем не менее, с учетом их соотношения

со смыслом, рассматривались Л.С.Выготским, как уже упоминалось выше, в качестве *единиц анализа разных функций речемыслительных процессов*. «Значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла» [Выготский 2008:476]. Итак, *значение* суть *оператор мыслительных операций*, а не сама эта операция. Мыслительная операция, по всей видимости, вместе с её установочной базой развертывается и сворачивается в смыслы, отталкиваясь от значения.

Единицы анализа в исследовании движения значений

Как формализовать, измерить и интерпретировать процесс движения значений и зачем это нужно лингвисту? Выявление социо-коммуникативных установок со статистической обработкой зафиксированных данных может проводиться на модели ABC с использованием соответствующих корпусов (баз экспериментально полученных данных). В рамках оптимизации ресурса СИБАС начата разработка экспертных приложений, позволяющих в полуавтоматическом режиме провести анализ на микроуровне ABC, то есть на материале конкретного АП. Объектом анализа здесь становятся АП слов, единицами анализа – *смысловые акцентуации*, которые отражают социо-коммуникативные установки как явления, обладающие доминантностью, а потому становящиеся маркерами смыслообразования. *Смысловые акцентуации* представляют собой актуальные для испытуемых смысловые грани образа, который представлен в ассоциативном поле анализируемого слова. Актуальность конкретных смысловых акцентов в ассоциативно-вербальной сети зависит от укоренённости в сознании испытуемых соответствующего этим смысловым образованиям опыта коммуникативно-познавательной деятельности, поэтому актуальные в настоящее время смысловые акцентуации могут сохраняться в течение довольно длительного времени, например, в течение нескольких лет или даже десятилетий; вместе с тем, они могут в большом количестве случаев модифицироваться и исчезать совсем, уступая место новым акцентам, соответствующим вновь обретенному социо-коммуникативному опыту.

Исходя из всего сказанного, можно прийти к выводу, что социо-коммуникативные установки в доступном исследователю на модели ABC формате должны опираться на приемы выявления *смысловых акцентуаций*, которые свернуто отражают доминантность целеполагания в социо-коммуникативной среде, направленность деятельности, её структуру. Установки формируются у конкретных личностей. Экспериментально доказанная возможность получить доступ к *усредненной языковой личности* и фундаментальные положения о её природе, выработанные в отечественной школе на русском материале [Караулов 1987-2010], оправдывают использование ассоциативно-вербальных методик и показывают их эффективность. Следует иметь в виду, что социо-коммуникативные установки становятся доступными нам в виде *установок на использование тех или иных вербальных единиц* в тех или иных характерных отношениях и связях, выработавшихся в ходе социо-коммуникативных практик, которые сложились в рассматриваемый период. Центральным термином в описании движения значений в связи с процессом актуального смыслообразования (или смыслоуtratности), с нашей точки зрения, может стать термин *психоглосса*, который уже введен как однопорядковый по своей структуре хроноглоссам и изоглоссам и упоминается у Ю.Н.Караулова как подходящий для выделения *единиц анализа* при описании *языкового сознания* на разных уровнях *языковой личности* [Караулов 1987: 157-158]. В аспекте интересующей нас задачи психоглоссы целесообразно рассматривать как статистически выводимые на

вербальной модели АП маркеры смысловых акцентуаций. Статистика позволяет измерить *направленность смысловых акцентуаций* в структуре АП. В сложносоставном термине «*психоглосса*» элемент «*психо-*» указывает на психическую природу смысловой акцентуации, которая представляет собой часть смысловой структуры образа мира языковой личности испытуемых, «*-глосса*» – показывает вербальный характер рассматриваемого смысла, его явленность носителю языка в виде языковой единицы [Шапошникова 2018].

Психоглоссы представляют внешние, доступные наблюдению параметры акцентуаций. Чтобы увидеть динамику трансформаций связей и отношений, направленность этих трансформаций потребуются сравнение материалов разных лет. Статистика высвечивает внешние параметры иерархии словообразования. Границы объекта задаются здесь наличным составом ассоциатов в АП (более подробно о приемах выведения психоглоссы на конкретных примерах в актуальном синхронно-диахронном плане см. [Шапошникова 2018]).

Принципы и алгоритм работы с экспертным обучающим приложением к СИБАС

В 2019 году в НГУ начали создаваться экспертные обучающие приложения к ресурсу СИБАС. Приложения задумывались как инструментарий, который позволит исследователю самостоятельно (с помощью компьютерной программы) получить первично обработанный эмпирический материал для решения конкретной задачи на материале АВС. Таким первичным материалом являются психоглоссы на уровне запрашиваемого АП, как в прямом, так и в обратном словаре СИБАС, фиксирующем данные на начало 2014 года. В настоящее время первое приложение [авторы: И.В.Шапошникова и Н.Ю.Зятыков (техническое сопровождение)] открыто пользователю для работы с основным корпусом СИБАС и с подкорпусом ассоциаций военных. Загрузить эту программу можно по специальной ссылке с главной страницы, дающей информацию о проекте СИБАС. При необходимости другие базы ассоциативных данных могут быть загружены в нашу систему, чтобы потом использоваться в приложении для выявления психоглоссы.

Чтобы идентифицировать психоглоссы, нужно провести *зонирование* АП с помощью приложения к СИБАС. В структуре АП можно выделить несколько зон, в которых концентрируются вербальные единицы, способные представлять (акцентировать) те или иные смыслы. Каждая из зон отражает какую-то одну, как правило, смысловую грань образа, стоящего за словом. Распределение ассоциатов по разным зонам может осуществляться на основе представленных ими смыслов. При этом один и тот же ассоциат в некоторых случаях может ассоциироваться с несколькими разными смысловыми зонами. Смысловые зоны дают возможность выявить *когнитивные психоглоссы* и *мотивационные*, объективирующие соответствующие *социо-коммуникативные установки* русской языковой личности. Предложенный Ю.Н.Карауловым метод семантического гештальта, отражающий природу единиц внутреннего лексикона как гештальтных образований, также может реализовываться через соответствующее зонирование АП в приложении СИБАС. Кроме того, распределение по зонам можно проводить и по формальным (лингвистическим) признакам для выявления *грамматических* и *лексико-грамматических психоглоссы*, маркирующих формальные субстантно-структурные предпочтения в системе использования языковых средств русской языковой личностью. Например, ассоциаты делятся на группы по формальным признакам (наличие

или отсутствие какого-то форманта, как-то: суффикса, приставки и т.п.; наличие или отсутствие формального согласования со словом-стимулом; частеречная принадлежность слов-реакций и т.п.). Принцип выделения *таких* психоглосс, с процедурной точкой зрения, тот же самый. Решение задач разметки ассоциативных баз данных в перспективе может существенно облегчить работу с приложением в процессе выявления собственно грамматических и лексико-грамматических психоглосс.

Какая именно информация может быть получена при анализе АП с помощью экспертного приложения СИБАС? Она соответствует этапам выявления психоглосс. Поскольку мы уже имели возможность подробно описать эти этапы и их содержание в наших более ранних работах [Шапошникова 2018], перечислим их здесь тезисно.

Автоматическое измерение общей структуры и наполняемости ассоциативного поля – статистика структуры и наполняемости АП в прямом словаре включает в себя: общее количество реакций, полученных на данный словесный стимул в эксперименте; из них: количество разных реакций (разными вербальными единицами, включая разные словоформы одной и той же лексемы); количество отказов, когда испытуемые никак не отреагировали на предъявленное слово; количество единичных реакций и количество устойчивых. Например, для АП «Президент» это 498, 137, 4, 95, 399 соответственно.

Полуавтоматическое зонирование АП с помощью алгоритма, заложенного в программу приложения. Исследователь идентифицирует зоны, присваивает им наименования, распределяя все ассоциаты по зонам, при этом в текущем режиме автоматически осуществляется подсчет и выведение на экран показателей *устойчивости смысловых акцентов, эксплицируемых разными зонами внутри АП в заданной пользователем конфигурации*. Используется показатель интенсивности как способа представления смыслов в структуре АП, при котором преобладают именно *повторяющиеся* (устойчивые) реакции. Измерение интенсивности показывает устойчивость выявленных при зонировании смысловых акцентов. Если проводить подсчет с использованием нескольких корпусов экспериментальных материалов в пределах актуальной диахронии, можно получить сравнительные данные в процентном выражении, позволяющие сопоставлять иерархическую организацию смысловой структуры образа в разных по наполняемости и времени создания ассоциативных ресурсах, включая и иноязычные при совместимости исходного программного обеспечения².

Например, в таблице №1 показана статистика интенсивности семантических зон АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС (в процентах от общего количества реакций в устойчивой части и на периферии)³.

² В настоящее время, на момент подготовки материалов статьи, приложение СИБАС работает в режиме апробации только с основным корпусом и подкорпусом военных ассоциаций СИБАС. Поэтому данные РАС и ЕВРАС, представленные в таблице 2, подготовлены вручную. Мы приводим их как наглядные свидетельства о самом факте смены содержания смысловых акцентов в актуальной диахронии и их маркированности на модели АВС.

³ Данные по ядру каждой зоны показаны **полужирным** начертанием, периферии – курсивом. После статистических данных по каждой зоне даются примеры вошедших в неё ассоциатов. Полный список ассоциатов каждой зоны здесь не приводится. Подробный анализ АП «президент» с интерпретацией каждой зоны и общей структуры АП в актуальной диахронии читатель найдет в приложении к авторской монографии: Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК (в печати).

Таблица №1

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)
Зона 1. Персоналии		
35,18% Ельцин 17 2,1% Клинтон	39,59% Путин 87 13,68% Абама; Володя	34,86% Путин 106 9,57% ВВП, Вова, Медведя
Зона 2. Локации и принадлежность		
53,7% страны 9; США 8; России 6 25,5% банка, Белый дом, в Сочи	28,32% России 46; страны 22 14,73% дума; Исландии; кабинет	37,15% России 63; страны 34; 18% Америки, в России, езде
Зона 3. Номинации		
3,7% глава 2; 34% предатель, продажная шкура, пьяница	19% глава 41; лидер; 4; авторитет; молодец; царь 2; 31,57% Вождь; раб на галерах; хозяин; хорошая профессия	12,8% глава 29; главнокомандующий, царь 2; 32,97% вождь, глава нации, молодец, раб, шейх
Зона 4. Символика, включая внешние признаки		
3,7% телевизор 2 4,25% с родимым пятном	2,25% Медведь 5; костюм; 2; 4,2% галстук; мишка	2% Медведь 7; кукла 2; 3,19% имидж, парад; статус
Зона 5. Действия (президента и над ним)		
0% 10,6% выжил; вышел; подписал; рад; уехал	0,5% правление 2; 5,26% вещает, государство, управление; учит	0,9% ответственность, управление 2; 5,3% избирать, импичмент, инаугурация, управлять
Зона 6. Качества		
0% 19,1% дурной, лживый, первый, плохой; толстый, тормоз, умный	4,76% главный 13; умный 4; 10,5% достойный; крутой; лучший; новый; ответственный; справедливый	3,66% главный 7; умный 4; мудрый 2; 13,8% избранный, самый главный, строгий, честный
Зона 7. При президенте: социальные институции, чиновники, поле ответственности		
0% 10,63% власть, и вице- президент, конгресс, министр, политика	6,26% власть 10; государство 3; правление; уважение 2; 18,9% депутат; дума; закон; министерство; охрана; партия	8,25% власть 16; государство 6; правительство 4; премьер-министр 3; 10,6% выбор, демократия, зам

Зона 8. Иное		
0% 0%	0,75% сыр 3; 8,42% и что?; клуба	нет 7,44% сыр, формы

На следующем этапе система показывает статистику интенсивности зон АП и выводит психоглоссы интенсивности (порядок убывания интенсивности зон). Психоглоссы интенсивности в ядре и на периферии АП «президент» в РАС, СИБАС и ЕВРАС показаны в таблице №2.

Таблица №2⁴

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)
Ядро АП «президент»		
Зона 2 → Зона 1 → Зона 3 = Зона 4	Зона 1 → Зона 2 → Зона 3 → Зона 7 → Зона 6 → Зона 4 → Зона 5 →	Зона 2 → Зона 1 → Зона 3 → Зона 7 → Зона 6 → Зона 4 → Зона 5 →
<i>Периферия АП «президент»</i>		
Зона 3 → Зона 2 → Зона 6 → Зона 7 = зона 5 → Зона 4 → Зона 1	Зона 3 → Зона 7 → Зона 2 → Зона 1 → Зона 6 → Зона 5 → Зона 4	Зона 3 → Зона 2 → Зона 6 → Зона 7 → Зона 1 → Зона 5 → Зона 4

Система также позволяет измерить укорененность смысловых акцентов в разнообразии связей. Вводится показатель экстенсивности как способ представления смыслов в структуре АП, при котором преобладают единичные реакции, а среди повторяющихся реакций также наблюдается много разных слов с невысоким частотным показателем. В зависимости от конкретного наполнения и общей структуры АП экстенсивность может показать как специфическую укорененность смысловых акцентов в разнообразии связей, так и их недостаточную сформированность. На основе статистики экстенсивности зон рассматриваемого АП система выводит психоглоссы экстенсивности в нем (см. таблицу №3, где приводятся экстенсивные показатели по АП «президент»).

Таблица №3⁵

Психоглоссы экстенсивности смысловых зон АП «президент»

РАС (1988 – 1997)	СИБАС (2008 – 2013)	ЕВРАС (2008 – 2013)
Зона 2 = зона 3 → зона 6 → зона 5 зона 7 → зона 1 = зона 4	Зона 3 → зона 7 → зона 2 → зона 1 → зона 6 → зона 4 → зона 5	Зона 3 → зона 2 → зона 6 = зона 7 → зона 1 → зона 5 → зона 4

⁴ Смысловые зоны располагаются по мере убывания их интенсивности. Знак равенства маркирует одинаковую интенсивность зон, между которыми он расположен. Самые интенсивные зоны выделены жирным начертанием (не менее 10% от общего числа устойчивых реакций).

⁵ Самые насыщенные разнообразием (свыше 20% от общего количества разных реакций в АП) выделены жирным начертанием, менее экстенсивные (до 20%, но не менее 10%) – жирным курсивом, остальные содержат менее 10% разных вербальных единиц.

В процессе работы с экспертным приложением у пользователя есть возможность обратиться к справочным материалам, где не только пошагово описывается алгоритм взаимодействия с программой приложения, но и толкуются все термины, которыми оперирует система.

Заключение

Полученные с помощью приложения к СИБАС общие результаты измерения соотношений структуры и смысловой организации АП рассматриваемой вербальной единицы представляют собой первичный эмпирический материал, который поддается интерпретации на фоне имеющейся и зафиксированной в толковых словарях информации об этом слове. Сравнение позволит не только сопоставить лексикографически зафиксированное значение (лингвистическое значение) с развившимися на его основе психически актуальными смыслами, но и определить направленность смысловых акцентов, их соответствие или несоответствие отмеченной семантической структуре лексемы (её культурно устоявшемуся в прошлом значению). Однако для более глубокого анализа с фиксацией движения значений, отражающего лингвистически значимые для изменения лексикографической практики описания слова параметры, потребуется анализ смысловых акцентуаций в пределах актуальной диахронии с привлечением ассоциативных данных от трех-четырёх поколений носителей языка. Количество и качество экспериментального материала здесь имеет прямую связь с глубиной проникновения в объект, каковым являются социо-коммуникативные установки на использование вербальных единиц (способы оперирования телами языковых знаков). Очевидно, что динамика социо-коммуникативных установок, когда таковая фиксируется и поддается измерению в АВС, может указывать на создавшиеся условия для появления вариативности и изменения значений вербальных единиц. Таким образом, движение значений представляет собой реальность, которую можно измерить и описать на динамической модели АВС, а применение и развитие компьютерных технологий для анализа АП позволяет ускорить получение лингвистически значимых результатов в этой области.

Литература

Анохин К.В. Мозг и разум // Academia. Лекции на канале Культура https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156199/video_id/156199/ (дата обращения: 05.07.2019).

Выготский Л.С. Мышление и речь: Сборник ст. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2008. 668с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Леонтьев А.А. Мир человека и мир языка: Научно-худож. лит-ра/ Рис. Т.Лоскутовой. М.: Изд-во «Детская литература», 1984. 127с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл; КДУ, 2005. 511 с.

Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248с.

Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О.А.Кураковой, М.В.Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.

Томаселло М. Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В.Фаликман, Е.В.Печенковой, М.В.Синицыной, Анны А. Кибрик, А.И.Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с. (Разумное поведение и язык: Language and Reasoning).

Шапошникова И.В. Психоглоссы, маркирующие цивилизационную идентификацию российских студентов (по материалам массовых ассоциативных экспериментов) // Сибирский филологический журнал. 2018. №3. С. 255-273. DOI 10.17223/18137083/64/23.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: Языки славянских культур (в печати).

Шапошникова И.В. Динамические модели в социолингвистике и социо-коммуникативные установки русской языковой личности в постсоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. №3. 2019 (в печати).

Arbib M. A. From Artificial Intelligence to Neurolinguistics // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics.* Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press, 1982a. P.77-94.

Arbib M. A. Perceptual-Motor Processes and the Neural Basis of Language // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics.* Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press, 1982b. P.531-551.

Arbib M. A. From Monkey-like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // *Behavioral and Brain Sciences.* 2005. 28. P. 105 167.

Arbib M. A. The Mirror System Hypothesis on the linkage of action and languages // *Action to Language via the Mirror Neuron System / ed. Michael A. Arbib.* Cambridge University Press, 2006. P. 3-47.

Arbib M. A. How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press, 2012.

Arbib M. A. Toward the Language-Ready Brain: Biological Evolution and Primate Comparisons // *Psychon Bull Rev.* 2017. 24. P.142-150. DOI 10.3758/s13423-016-1098-2

Bonini L., Ferrari P. F., Fogassi L. Neurophysiological bases underlying the organization of intentional actions and the understanding of others' intention // *Consciousness and Cognition.* 2013. <http://dx.doi.org/10.1016/j.concog.2013.03.001>.

Damasio A. R. Concepts in the brain // *Mind and Language.* 1989. Vol. 4. No.1- 2. P. 24-28.

Damasio A. R. Exploring the Minded Brain // *The Tanner Lectures on Human Values.* Delivered at University of Michigan. November 14, 1997. P. 169-188.

Foundations of Embodied Cognition. Volume 2. Conceptual and Interactive Embodiment / edited by Martin H. Fischer and Yann Soello. London and New York: Routledge, 2016. 304 p.

Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // *Social Neuroscience.* 2008. Volume 3. Issue 3-4. P. 317-333.

Gallese V. Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives.* 2009. 19:5. P. 519-536.

Gallese V. Mirror neurons, embodied simulation and a second-person approach to mindreading // *Cortex.* 2013. No. 49. P.2954- 2956.

Gallese V., Caruana F. Embodied Simulation: Beyond the Expression / Experience Dualism of Emotions // Trends in Cognitive Sciences. 2016. Vol. 20. No. 6. P. 397-398.

Gallese V., Sinigaglia C. What is so special about embodied simulation? // Trends in Cognitive Sciences. 2011a. Vol. 15. No. 11. P.512-519.

Gallese V., Sinigaglia C. How the Body in Action Shapes the Self // Journal of Consciousness Studies. 2011b.18. No. 7-8. P. 117-143.

Gallese V., Sinigaglia C. Response to de Bruin and Gallagher: embodied simulation as reuse is a productive explanation of a basic form of mind-reading // Trends in Cognitive Sciences. 2012. Vol. 16. No. 2. P.99-100.

Goldman A., de Vignemont F. Is social cognition embodied? // Trends in Cognitive Sciences. 2009. Vol. 13. No. 4. P.154-159.

Jackendoff Ray S. Consciousness and the Computational Mind (Explorations in cognitive science; 3). 2d ed. London: "A Bradford Book", 1989. 356 p.

Mirror neurons and the evolution of brain and language / edited by Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese. Advances in Consciousness Research; v. 42. Selected contributions to the symposium on "Mirror neurons and the evolution of brain and language" held on July 5-8, 2000 in Delmenhorst, Germany. 2002 John Benjamins B.V. 392 p.

Moll H., Tomasello M. Cooperation and Human Cognition: the Vygotskian Intelligence Hypothesis // Philosophical Transactions of the Royal Society. B. 2006. doi:10.1098/rstb.2006. P.1-10. Published online.

Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? / Ed.by Paolo B. Pascolo // Progress in Neuroscience. 2013. 1 (1-4). P. 25-82.

Thill S., Padó S., Ziemke T. On the Importance of a Rich Embodiment in the Grounding of Concepts: Perspectives from Embodied Cognitive Science and Computational Linguistics // Topics in Cognitive Science. 2014. 6. P. 545-558.

РАС: Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н.Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Т. 1-2. М., 1994- 1998.URL:<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 03.05.2019).

СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных – Сибирь и Дальний Восток (авторы-составители: Шапошникова И.В., Романенко А.А.). Режим доступа: URL:<http://adictru.nsu.ru> (дата обращения: 03.05.2019).

ЕВРАС: Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС.URL: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (дата обращения: 03.05.2019).

THE THEORY IS VALID AS LONG AS IT WORKS

Irina V. Shaposhnikova

Chief researcher, Institute of Philology SB RAS

8 Nikolayev str., Novosibirsk, 630090

Doctor of Philology, Professor

Novosibirsk State University

2 Pirogov str., Novosibirsk, 630090

i.shaposhnickowa@yandex.ru

The article is devoted to the content and significance of the psychological theory of (speech) activity [hereinafter: T(S)A] as a part of Russian national scientific and cultural

heritage. The author shows that the methodology proposed by the T(S)A and its fundamental principles still retain their relevance and validity as a theory of human formation. The T(S)A has a number of thematic domains where new interdisciplinary discussions in foreign and domestic science have been activated in the context of new current challenges. It is shown that the conceptual and methodological apparatus of the T(S)A are successfully used as a system of operators in the formulation and search for solutions to new problems. The relevance of the T(S)A is associated with the nature of the problems solved by its founders, with the validity of their empirical evidence and profundity of interpretations. The author considers the basic provisions of this theory about the circulation of meanings in the process of sense formation and describes the expert training application to the Russian regional associative database (Siberia and the Far East – SIBAS), which allows processing associative verbal materials to study the circulation of meanings. The application allows semi-automated statistical processing and analysis of semantic accentuations in associative fields (AF) via the identification of different types of psychoglosses. The identification and description of psychoglosses as units to analyze the language consciousness, marking intensity and extensity of sense representation, provides empirical data indicating the dominant socio-communicative attitudes in the use of verbal units. The author suggests that the change in attitudes in the current diachrony (within three to four generations) can lead to a variability of language units and ultimately – to language changes. So, the study of the circulation of linguistic meanings in the aspect of actual diachrony with the help of lexical and grammatical psychoglosses can be carried out more flexibly and effectively with the use of computer technologies of data processing in the application to the SIBAS after the completion of the linguistic tagging of associative-verbal material.

Keywords: theory of (speech) activity; psychoglosses; the unit of analysis of language consciousness; circulation of meanings; optimization of the associative-verbal resources; expert training application; computer processing of associative fields; socio-communicative attitudes of the Russian language personality

References

Anoxin K.V. Mozg i razum [Brain and Mind] // Academia. Lekcii na kanale kul'tura [Lectures on the culture channel] https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156199/video_id/156199/ (retrieval date: 05.07.2019). (In Russian).

Vy`gotskij L.S. (2008). My`shlenie i rech` [Thinking and Speech]: Sbornik. M.: AST: AST MOSKVA: XSPANTEL. 668 s. (In Russian).

Karaulov Yu.N. (1984-2010). Russkij yazy`k i yazy`kovaya lichnost` [The Russian Language and Language Personality]. M.: Nauka, 1987; Izd.7-e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s. (In Russian).

Leont`ev A.A. (1984). Mir cheloveka i mir yazy`ka [The Human World and the World of Language]: Nauchno-xudozh. lit-ra/ Ris. T.Loskutovoj. M.: Izd-vo «Detskaya literatura». 127 s. (In Russian).

Leont`ev A.N. (2005). Lekcii po obshhej psixologii [Lectures on General Psychology]. M.: Smy`sl; KDU. 511 s. (In Russian).

Panarin A.S. (2014). Pravoslavnaya civilizaciya [Orthodox Civilization]. M.: Institut russoj civilizacii. 1248 s. (In Russian).

Riczcolatti Dzhakomo, Sinigal`ya Korrado (2012). Zerkala v mozge: O mexanizmax sovmestnogo dejstviya i soperezhivaniya [Mirrors in the brain: mechanisms of joint action

and empathy] / Per. s angl. O.A.Kurakovoj, M.V.Falikman. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur. 208 s. (In Russian).

Tomasello M. (2011). Istoki chelovecheskogo obshheniya [Origins of Human Communication] / Per. s angl. M.V.Falikman, E.V.Pechenkovej, M.V.Sinicynoj, Anny` A. Kibrik, A.I.Karpuxinoj. M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur. 328 s. (In Russian).

Chernigovskaya T.V. (2013). Cheshirskaya uly`bka kota Shryodingera: yazy`k i soznanie [Cheshire smile of schrödinger's cat: language and consciousness]. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. 448 s. (Razumnoe povedenie i yazy`k: [Language and Reasoning]). (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (2018). Psixoglossy`, markiruyushhie civilizacionnyu identifikaciju rossijskix studentov (po materialam massovy`x asociativny`x e`ksperimentov) [Psychoglosses of the civilizational identity of Russian students (based on large-scale associative experiments)] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. №3. P. 255–273. DOI 10.17223/18137083/64/23. (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (In print). Modusy` identifikacii russoj yazy`kovoj lichnosti v e`poxu peremen [Modes of identification of the Russian language personality in the epoch of changes]. M.: YaSK (v pechati). (In Russian).

Shaposhnikova I.V. (2019, in print). Dinamicheskie modeli v sociolingvistike i socio-kommunikativny`e ustanovki russoj yazy`kovoj lichnosti v postsovetiskij period [Dynamic Models in Sociolinguistics and Socio-communicative Attitudes of the Russian Language Personality in the Post-Soviet Period] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. Seriya 2: Yazy`koznanie. №3 (v pechati). (In Russian).

Arbib M.A. (1982a). From Artificial Intelligence to Neurolinguistics // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics*. Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press. P.77–94.

Arbib M.A. (1982b) Perceptual–Motor Processes and the Neural Basis of Language // *Neural Models of Language Processes / Perspectives in Neurolinguistics, neuropsychology, and psycholinguistics*. Ed. By Arbib M.A., Caplan D., Marshall John C. New York: Academic Press. P.531–551.

Arbib M.A. (2005). From Monkey–like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // *Behavioral and Brain Sciences*. 28. P. 105–167.

Arbib M. A. (2006). The Mirror System Hypothesis on the linkage of action and languages // *Action to Language via the Mirror Neuron System / ed. Michael A. Arbib*. Cambridge University Press. P. 3–47.

Arbib M. A. (2012). How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press.

Arbib M. A. (2017). Toward the Language–Ready Brain: Biological Evolution and Primate Comparisons // *Psychon Bull Rev*. 24. P.142–150.

Bonini L., Ferrari P. F., Fogassi L. (2013). Neurophysiological bases underlying the organization of intentional actions and the understanding of others' intention // *Consciousness and Cognition*.

Damasio A. R. (1989). Concepts in the brain // *Mind and Language*. Vol. 4. No.1–2. P. 24–28.

Damasio A. R. (1997). Exploring the Minded Brain // *The Tanner Lectures on Human Values*. Delivered at University of Michigan. November 14. P. 169–188.

Foundations of Embodied Cognition. (2016). Volume 2. Conceptual and Interactive Embodiment / edited by Martin H. Fischer and Yann Soello. London and New York: Routledge. 304 p.

Gallese V. (2008). Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // *Social Neuroscience*. Volume 3. Issue 3–4. P. 317–333.

Gallese V. (2009). Mirror neurons, Embodied Simulation, and the Neural Basis of Social Identification // *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*. 19:5. P. 519–536.

Gallese V. (2013). Mirror neurons, embodied simulation and a second–person approach to mindreading // *Cortex*. No. 49. P.2954– 2956.

Gallese V., Caruana F. Embodied Simulation: Beyond the Expression / Experience Dualism of Emotions // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Vol. 20. No. 6. P. 397–398.

Gallese V., Sinigaglia C. (2011a). What is so special about embodied simulation? // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 15. No. 11. P.512–519.

Gallese V., Sinigaglia C. (2011b). How the Body in Action Shapes the Self // *Journal of Consciousness Studies*. 18. No. 7–8. P. 117–143.

Gallese V., Sinigaglia C. (2012). Response to de Bruin and Gallagher: embodied simulation as reuse is a productive explanation of a basic form of mind–reading // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 16. No. 2. P.99–100.

Goldman A., de Vignemont F. (2009). Is social cognition embodied? // *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 13. No. 4. P.154–159.

Jackendoff Ray S. (1989). *Consciousness and the Computational Mind* (Explorations in cognitive science; 3). 2d ed. London: “A Bradford Book”, 356 p.

Mirror neurons and the evolution of brain and language / edited by *Maxim I. Stamenov, Vittorio Gallese.* (2002). *Advances in Consciousness Research*; v. 42. Selected contributions to the symposium on “Mirror neurons and the evolution of brain and language” held on July 5–8, 2000 in Delmenhorst, Germany. John Benjamins B.V. 392 p.

Moll H., Tomasello M. (2006). Cooperation and Human Cognition: the Vygotskian Intelligence Hypothesis // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. B. 2006. doi:10.1098/rstb. P.1–10. Published online.

Neurotopics. Mirror neurons: still an open question? / Ed.by Paolo B. Pascolo // *Progress in Neuroscience*. 2013. 1 (1–4). P. 25–82.

Thill S., Padó S., Ziemke T. (2014). On the Importance of a Rich Embodiment in the Grounding of Concepts: Perspectives from Embodied Cognitive Science and Computational Linguistics // *Topics in Cognitive Science*. 6. P. 545–558.

RAS – Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary], 1994–1998. / Sost. Ju.N. Karaulov, Ju.A. Sorokin, E.F. Tarasov, N.V. Ufimceva, G.A. Cherkasova. T. 1–2. [In 2 vols]. M. Available at: URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (retrieval date: 3 May 2019). (In Russian).

SIBAS – Russkaja regional'naja asociativnaja baza dannyh. Sibir' i Dal'nij Vostok [Russian regional associative database (Siberia and Far East)], 2008–2018. Avtory–sostaviteli I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko. Available at: URL: <http://adictru.nsu.ru> (retrieval date: 3 May 2019). (In Russian).

EVRAS – Ufimceva N.V., Cherkasova G.A., 2014. Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'–tezaurus EVRAS [Russian associative dictionary–thesaurus EVRAS]. Available at: <http://iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 3 May 2019). (In Russian).